

The Miracle On Ebenezer Street
Original English language edition first published by Penguin Books Ltd,
a part of the Penguin Random House UK group.

Copyright © Catherine Doyle, 2020

The author has asserted his moral rights
All rights reserved

Копирование, тиражирование и распространение материалов,
содержащихся в книге, допускается только с письменного
разрешения правообладателей.

КЭТРИН
ДОЙЛ

Чудо из
Волшебного
Шара

КНИГИ
Вилли
Винки

Москва
2021

Дойл, К.

Д62 Чудо из волшебного шара / К. Дойл ; пер. с англ. П. Шишина. — М. : Издательство АСТ, 2021. — 221, [3] с. : ил. — (Книжка под ёлку).

ISBN 978-5-17-138665-8.

Десятилетний Джордж случайно попадает в магазин диковинок Марли во время рождественской ярмарки, где получает в подарок стеклянный шар со снеговиком внутри. И вскоре с ним, его бабушкой и отцом начинают приключаться настоящие чудеса, а родной дом, парк, да и весь город меняются прямо на глазах. Как же иначе помочь отцу понять, что праздник необходим каждому взрослому не меньше, чем ребёнку!

Для среднего школьного возраста.

© Шишин П., перевод, 2021
© Издательство АСТ, 2021

Нечаянное чудо Марли

Джордж Бишоп не был выдающимся мастером маскировки, но он знал, как надевать накладные усы. Он провёл пальцем по верхней губе и выровнял их с уверенностью злодея из какого-нибудь фильма о Джеймсе Бонде:

— Самое главное — не чихать!

Усы были изготовлены из мишуры и сверкали, отражённые светом раннего вечера, в глазах бабушки Фло. Она тихонечко постучала пальцем по кончику носа, сбоку, и по секрету сказала:

— Если нужно куда-то попасть тайком, шарм превыше всего!

Рождественская ярмарка в Гайд-парке развернулась перед ними, будто величественный город, огромный и ожив-

лённый; его волшебные огоньки подмигивали Джорджу сквозь суетливую толпу.

— Называй меня мисс Омела Марпл, — сказала бабушка Фло, ускоряя от восторга шаг. — Я же тебе говорила — найдём!

Джордж широко улыбнулся:

— Ну, она вообще-то не пря...

Громкое ворчание оборвало его на полуслове. Улыбка испуганно слетела с губ. Мимо них протиснулся широкоплечий деловой человек в чёрном пальто, развевавшимся на ветру.

Джордж оцепенел.

— Это же...

Бабушка Фло продела руку ему под локоть:

— Он никогда нас здесь не найдёт, моя радость. А сегодня тем более. *Особенно* с твоей замечательной маскировкой.

Джордж облегчённо присел. Бабушка Фло права. Ранним вечером 23 декабря отец был на работе. Точно так же, как в любой другой день в году, в жару и в стужу, в выходные, в будни и в праздники — в каждую минуту, если она приносила доход. Хьюго Бишоп даже не *помышлял* о том, чтобы сделать из кабинета хоть шаг на улицу, особенно теперь, когда Рождество носилось повсюду, как зараза.

Молочные облака над головой наполнились обещанием снега, а в воздухе плыл аромат корицы. Вдохнув полную грудь манящего аромата, Джордж переступил ворота ярмарки.

Он был счастлив здесь, в чреве Рождества. Здесь можно наесться досыта мясных пирогов и сладкой ваты. Здесь можно разгуливать без опаски, спрятав лицо под усами из мишуры.

— Я их, наверно, не буду снимать, — сказал он бабушке на колесе обозрения. — Я в них делаюсь такой важный.

— Ты даже похож немного на Кларка Гейбла, — ответила бабушка Фло с набитым помадкой ртом, — одного из моих самых любимых артистов.

А потом, помолчав, добавила:

— Или, по крайней мере, на ручку рождественской метлы.

Она поправила своё тщательно подобранное рождественское украшение: заколку для волос в виде веточки остролиста — с яркими красными ягодами и нефритовыми листочками. Бабушка заколола её над левым ухом, и даже зелень бабушкиных глаз становилась рядом с заколкой как будто ярче. Почти... до озорства.

Через несколько часов, когда луна уже карабкалась в фиолетовом небе, а ноги отяжелели, устав бродить по стране чудес, бабушка Фло сунула Джорджу в ладонь бумажку в пять фунтов:

— Сбегай-ка к Джино и купи себе горячего шоколада! — она показала рукой на ряд одинаковых деревянных киосков, которые стояли развёрнутые к карусели. — Мне оставишь пастилку. А я пойду закажу глинтвейн — парутройку.

Джордж припустил со всех ног. Ему казалось, что «Шоколад Джино» — это последний магазинчик в ряду, но, добежав, он обнаружил ещё один киоск, приткнувшийся с самого края. Украшения на киоске отсутствовали — за исключением перекошенной вывески, что висела над дверью.

Она гласила:

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ДИКОВИНКИ МАРЛИ

И ниже, мелким шрифтом:

**Взрослые категорически не допускаются.
Вход по вашей прихоти**

Джордж толкнул дверь, и над ней звякнул колокольчик.

Изнутри магазинчик, к изумлению Джорджа, оказался больше, чем он ожидал. И к тому же там было уютно. Свежие сосновые иголки покрывали пол и наполняли магазинчик ароматом хвойных деревьев. Над головой с низкого потолка свисали рождественские гирлянды, озаряя всё вокруг мягким свечением. Какие-то дети — мальчик и девочка — внимательно изучали ближайшую к двери полку. Они были немного помладше Джорджа и спорили из-за ярко-жёлтого мешка сладостей.

— У мамы аллергия на ириски, башка ты *дубовая!*

— Не путай с *нугой!* Это *громадная* разница!

В глубине магазинчика за деревянным столом, заваленным книгами, сидел старик и читал газету. Очки у него громоздились на самом кончике носа.

Старик посмотрел на Джорджа поверх очков.

Джордж приветственно поднял затянутую в перчатку руку:

— Э-э... здрасьте.

Старик — Марли, предположил Джордж, — вдруг свёл вместе кустистые брови и вперился в него пристальным взглядом:

— Возраст?

— Э-э... — шаркая ногами, Джордж обогнул кучку детей, которые восторженно щебетали возле стола посреди магазинчика, и подошёл поближе.

— Десять, — ответил он.

— И? — подсказал Марли.

— Десять... и четыре месяца?

Марли чмокнул губами:

— Столько волос на лице — необычно для десяти лет и четырёх месяцев. Не сказать, чтобы я не видывал этого раньше... — Он подозрительно сощурил глаза. — Однако это такая же редкость, как пурпурный олень.

— Пурпурных оленей не бывает, — сказал Джордж.

Марли уставился на него:

— Неужто?

От неловкости Джордж переступил с ноги на ногу.

— Это накладные усы. Всего только мишура.

— Понятно, — с сомнением произнёс Марли.

Внимание Джорджа отвлекла дата на газете.

— 1843 год? — поморгал он для верности. — А зачем вы это читаете? Это же 1843!

— Предпочитаю классику, — ответил Марли таким тоном, в котором явно слышалось: «Это же очевидно».

— *Хм.*

Взгляд Марли неожиданно вспыхнул ярко и пронзительно, пригвоздив Джорджа к месту. Потянулось молчание. Наконец, широко зевнув, старик вновь обратил внимание на события 1843 года.

— Тебе и правда десять лет и четыре месяца. — И он надменно дёрнул рукой. — Хлопушки бесплатно. По одной на ребёнка. Всё остальное за деньги.

— Хорошо. Спасибо.

Джордж отошёл к столу посреди магазинчика и сунул голову между столпившихся плеч. На столе колыхалась груда рождественских хлопушек.

Рыжеволосая девочка, потянув за хлопушку, только что отыскала внутри превосходно настроенную музыкальную шкатулку. А в хлопушке у её сестры оказалась живая бабочка — она порхала между девочками, и крылья её переливались серебром и золотом.

Рядом с ними два брата, раскрыв широко глаза, испытывали одинаковые миниатюрные телескопы.

— В моём видно *кота!* — щурясь в окуляр, захлебнулся от радости старший. — А в твоём что?

— Шарики, — мрачно ответил младший. И вдруг замер, и голос его подскочил на целую октаву. — Нет, подожди! *Планеты!* В моём видно Вселенную!

Джордж набрался решимости. Сердце в груди покатилося кубарем. Из груди на столе он вытащил яркую красную хлопушку и разорвал.

Хлоп!

Все четверо детей обернулись и стали смотреть, как он перевернул хлопушку вверх ногами и тряс ею.

И тряс.

И тряс.

И *тряс*.

— Не тряс, не надо, — сказала рыжеволосая девочка с круглыми от сочувствия глазами. — Это Скрудж.

Джордж хмуро посмотрел на пустую хлопушку:

— Что ещё за *Скрудж*?

Девочка показала на фольгу, которая уже начала терять блеск у него в руках.

— Это хлопушка, где ничего нет. Так иногда бывает, — сказала она, возвращаясь к своей музыкальной шкапулке. — Не повезло.

Джордж положил хлопушку, и его взгляд упал на миниатюрную табличку на столе.

*Строго по одной хлопушке на ребёнка.
ОСТОРОЖНО! Скрудж!
Удовольствие не гарантируется.*

— Не очень-то честно, — пробурчал Джордж, но остальные уже не слушали. Они вновь принялись восторгаться своими подарками, оставив Джорджа наедине с разыгравшимся любопытством.

Он рассеянно побрёл от стола. Миновав ряд лошадок-качалок, которые смотрели на него снизу вверх сапфировыми глазами, он остановился у полки с надписью «ЗВОНЫ». Там размещалась внушительная коллекция колокольчиков. Изучив эту полку, Джордж обнаружил под ней другую — с надписью «ОЗОРНИКИ». На ней плечом к плечу сидели деревянные эльфы в ярко-зелёных колпаках. Их маленькие ножки болтались, свисая через край, глаза смотрели ничего не выражающим взглядом, а широкие лица беззубо скалились в чересчур широкой улыбке.

— Вот страх-то! — пробормотал Джордж, приседая на корточки.

Он готов был поклясться, что услышал в ответ чьё-то ворчание. Он оглянулся, но рядом никого не оказалось. Большинство детей уже ушли вместе с новыми игрушками, остались только те двое, которые спорили. Они стояли в противоположном конце магазинчика. Джордж подумал, что это, наверное, половицы скрипят под сосновыми иголками.

«ПОЧЕМУ БЫ НЕТ?» поразила воображение Джорджа невиданной коллекцией рождественских колпаков: там красовались шерстяные творения с огромными помпонами, и колпаки Санты — к каждому прилагалось облако бороды, и колпаки в полоску — каждая из них изви-

валась, и извивалась, и извивалась аж до самого потолка. Там были красные сверкающие носы и серьги, похожие на карамельные трости; остроносые эльфийские туфли с золотыми бубенчиками по краю и невероятный выбор шерстяных рождественских свитеров всевозможных размеров — даже такого крошечного, что впору только шмелю.

— А почему...

— Вопрос, как ты видишь, в том, *почему бы нет?* — резко перебил Марли, скрытый газетой. — Шмели — известные весельчаки. Как и многие другие животные, говоря по правде.

Джордж на мгновение представил, что облачил в рождественский свитер свою кошку Коко. Сколько бы ему досталось неудовольствия, даже и представлять незачем. Он двинулся дальше, мимо банок *«Веселительного джема»* (принимать по одной ложке), мимо коробок *«Словохотливых чайных пакетиков»* (использовать только после школы), мимо стопок *«Воинственных бомбочек для ванны»* (изумительно неразборчивых), которые были искусно уложены вокруг большой синей жестянки леденцов *«Меланхолическая мята»* (доставьте себе радость катартического рыдания).

На **«СОВЕРШЕННО НЕВОЗМОЖНОМ»** стояли миниатюрные, не больше кулака Джорджа, дымовые трубы — из настоящего кирпича, и каждая посыпана сажей. Джордж готов был поклясться, что видел, как из одной трубы свисает в камин крошечный чёрный сапог — едва Джордж ткнул в него пальцем, сапог исчез. Полка ря-

дом — «НЕВОЗМОЖНО СОВЕРШЕННОЕ» — наполнилась восхитительными лакомствами: имбирными пряниками в виде Санта-Клауса, рождественскими ёлками из печенья с корицей и кремовыми пирожными-снежками. Блестящие этикетки сушили «*Рождество в каждом кусочке*» и «*наслаждение до последней крошки*».

Джордж наткнулся на язвительных брата и сестру у полки под названием «РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ХОРАЛЫ». Они сосредоточенно изучали строй стеклянных птишек, пытаясь выбрать между лазурной птицей и соловьём. Всякий раз, когда они брали в руки одну, чтобы рассмотреть получше, птица превосходно щебетала какую-нибудь рождественскую мелодию. А на полке ниже, с табличкой «РОЖДЕСТВЕНСКИЕ СКАНДАЛЫ» те же самые птицы, стоило до них дотронуться, самозабвенно предавались сердитым воплям и пронзительным хриплым визгам. Взяв с полки первую попавшуюся, Джордж немедленно возвратил её на место и отошёл прочь, изливаясь под свирепыми взглядами брата и сестры быстрым: «Извините-извините-извините!»

Он оказался возле надписи «НЕЧАЯННЫЕ ЧУДЕСА».

Это была полка со стеклянными шарами. Церкви, дома, города, деревни — целые миры, населённые крохотными фигурками, кружились в мягком, будто пёрышко, снегу. Джордж внимательно рассмотрел все, один за другим, а когда добрался до последнего, у него перехватило дыхание.

Дрожащими пальцами Джордж снял шар с подставки и поднёс к глазам. Шар был почти пустой, если не считать одной знакомой фигурки.

— Так не бывает, — прошептал Джордж.

На этот раз Марли не сказал ничего.

Джордж вглядывался сквозь стекло внутрь шара. Оттуда на него смотрел кривобокий снеговик — одним глазом ему служила синяя пуговица, а другим — жёлтая, как солнце. Улыбался снеговик полумесяцем бирюзовых бус — это было ожерелье матери Джорджа. Нос торчал ярко-оранжевой морковкой, а на голове, похожей на шишковатую луковицу, сидела знакомая тёмно-зелёная фетровая шляпа с потёртыми краями. Она принадлежала отцу Джорджа. *«С неё, Джорджи, и начался модный период в моей жизни, — послышался в голове у Джорджа отцовский голос. — Искорка цвета порой может изменить мир до неузнаваемости».*

Дыхание Джорджа окутывало шар туманом.

Это был не *просто* снеговик.

Это был снеговик *Джорджа*.

Как-то утром в Рождественский сочельник они слепили его все втроём во дворе старого дома бабушки: катали, поднимали, составляли, обтёсывали... У папы покраснел нос, у мамы онемели пальцы, зубы у всех стучали от холода, но сквозь стук прорывался счастливый смех.

«Мне кажется, дорогой, его зовут Фред».

«Наш идеальный неидеальный Фред».

Где-то позади Джорджа прозвенел колокольчик.